

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

Фото Ирины ЛАВРИНОЙ

Забвенья нету сладкого,
Лишь горькое в груди, —
Защиты жди от слабого,
От сильного не жди.

Такое время адово
На нынешней Руси —
Проси не у богатого,
У бедного проси.

Наглядны все прозрения,
Все истины просты, —
Не у святых прощения,
У грешников проси.

ОТХОДНАЯ ВЕКУ

1

В этот сумрак ночи певчей,
Словно в обморок, впаду.
Догорят к рассвету свечи,
Отраженные в пруду.

Век мой, и твои тревоги
Отторят во мне к утру,
И твои омою ноги,
И слезу твою утру.

Бедный мой, как долго длится
Твой последний грозный хрип
Меж мгновеньем медуницы
И почти бессмертьем лип.

Был кровавым, был продажным,
Едим, словно ржа и дым,
Но каким бы ни был страшным,
Ты был все-таки моим.

2

Я в этом веке, ни в каком
Другом,
Любила, и страдала, и жалела
Чужую душу и чужое тело,
И совесть свою ела поедом.

Я в этом веке... Но к чему
Разгон
Моей почти
Правдоподобной речи?
Всей медью упадет мне
На плечи
Отходный, поминальный звон.

И ходит Век Серебряный
По кругу своему,
И с ели равнобедренной
Стекает дождь во тьму,

Во тьму земли, где мается
Обызвещенный сон, —
И в сердце просыпаются
Орфей всех времен.

Живу во время дикое,
Забывшее азы.
Но вот живу, и тикают
Тарковского часы.

В НЕМЕЦКОМ ГОРОДКЕ

Не толкай меня в реку
Забвения
За вторичное слово.
Видишь, даже предмет —
Повторение
Организма живого, —

С черепашьего панциря
Списаны
Черепичные крыши,
Как на пальцы, на стержни
Нанизаны

Световые афиши,
А скамейка муниципальная —
Точный слепок опенка.
Пусть не снится мне больше
Хрустальная
Ночь и трупик жиденка...

1996

Цветами стреножены
Бабочки,
В лучах окрыляется прах,
И даже домашние тапочки,
Как ласты на ватных ногах,

А вросшая в берег
Смоковница
Пушистей, чем сна вещество.
Все явное тайным становится,
Когда ты взглядишь в него.

Меня обнимающий
Празднично,
Ты видишь в объятьях своих,
Что я невесома и призрачна,
Как кружево гребней
Морских.

Почему памятник
первопечатнику
стоит у «Метрополя»

На поэтов ее возраста зачастую работает имя,
а пишут они уже мало или плохо. Она пишет
много и хорошо. А помогла ей — и то однажды
— только фамилия. Вернее, то, как она звучит

Мне повезло: я стал первопечатником Инны Львовны
Лиснянской после ее долгой и нелегкой опалы.

Опала эта последовала после того, как Лиснянская
с Липкиным (единственные!) вышли из Союза писателей
в знак протеста против «мер», принятых инстанциями в
отношении молодых участников «Метрополя». И вклю-
чала в себя кагэбэшные звонки с угрозами и предложе-
ниями убраться вон из страны, разного рода провока-
ции, слежку и, конечно, отлучение от печатного станка.

Но тогда, в 1987 году, в цензурном списке запрещен-
ных авторов Лиснянская уже вряд ли значилась. Однако
ее продолжали не печатать — на всякий случай, как бы
чего не вышло — осуществлявшие собственную цензуру ре-
дакторы.

Когда меня познакомили с Инной Львовной, я заведо-
вал литературой в доблестном (шестнадцатимиллионном!)
журнале «Крестьянка» издательства «Правда» ЦК КПСС.

А надо сказать, стихи у Лиснянской в основном ли-
рические, некоторые и конкретно «про любовь». Словом,
то, что нужно лучшей, наиболее продвинутой или чув-
ствительной части читательниц журнала...

И на очередной редакционной планерке я хриплым го-
лосом объявил подборку Лиснянской. При этом в потной

ладони сжимал бумажку с тезисами заготовленной защитной
речи, наивной, но эмоциональной... Главный редактор — им-
позантная и вместе с тем представительная блондинка — ска-
зала неожиданное: «Очень хорошо!» — и посмотрела на меня
материнско-отеческим взором. Я обомлел, прикусил готовый
к бою язык и скосил глаза на зама главного — весьма хитро-
умную и начитанную даму. Она согласно кивала.

И подборка стихов Лиснянской — первая после восьми-
летнего небытия — благополучно вышла мультимиллионным
тиражом в журнале ЦК КПСС!

Было ли это свидетельством прогрессивных взглядов,
гражданской смелости и некоторой даже фронды главной,
будущего члена последнего состава Политбюро ЦК, или
новой спущенной сверху установкой? Отнюдь нет. Наша
шефиня просто перепутала Инну Лиснянскую с автором
«Дорогой моей столицы» Марком Лисянским, который
вполне соответствовал имиджу «нужного» автора! Лиснян-
скую же она, слава Богу, не знала. Мою догадку впослед-
ствии подтвердила ее заместительница, сама прекрасно
знавшая, и кто такая Лиснянская, и что такое «Метро-
поль», но осмелившаяся промолчать.

Вот ей-то — Анастасии Куприяновой — мне и хочется
воздать должное и даже — наряду с Инной Львовной — про-
петь накануне 8 Марта запоздалый дифирамб! Если бы не
она, мне не удалось бы стать первопечатником.

Что было бы обидно. Потому что Лиснянская истинный
поэт. Лирик. И, похоже, первая из ныне здравствующих про-
должательниц традиций Ахматовой (с которой, кстати ска-
зать, была хорошо знакома).

Между прочим, удивительно, но стихи Лиснянской оди-
наково высоко оценили два наших последних нобелевских
лауреата по литературе — Бродский и Солженицын, друг
друга никогда особенно не ценившие.

А в прошлом году Инна Львовна наконец получила свою
первую литературную премию — от поэтического журнала
«Арион» за лучшую публикацию 1995 года. Когда на вручении
назвали ее имя, зал как по команде встал и стоя аплодировал.

В начале этого года Лиснянская стала лауреатом «Друж-
бы народов» (уже за лучшую подборку стихов 1996 года). И
у нее наконец вышло избранное. Эту книгу — «Из первых
уст» — выпустило издательство «Изограф» Дома-музея Цве-
таевой при участии журнала «Арион». Спасибо им.

Аз. Все-таки почему у нас любят поэ-
тов не за хорошие стихи, а за смелые по-
ступки, личные драмы или еще что-то, не
имеющее к поэзии прямого отношения?
Как будто быть поэтом само по себе не
смелость, не драма и не еще что-то?

Бука. Может, потому что в стихах по-
нимают гораздо меньше, чем в поступках?
Так что «Метрополь» Лиснянской очень
даже помог.

Аз. Ну а кому в России не «помога-
ла» опала? Из всего христианства мы,
кажется, сделали только один прямоли-
нейный вывод: если не пострадал, зна-
чит, не пророк. В этом смысле и Пуш-
кину «помог» Дантес, и Гумилеву —
большевики...

Бука. Ну Лиснянская-то все равно не
годится на роль пророка...

Аз. А она и не претендует! От поэта
вообще можно требовать только одного —
поэзии. Уж во всяком случае не прорица-
ний.

Бука. Но когда поэт всерьез погружа-
ется в язык, как, например, Велимир Хлеб-
ников, он невольно пророчествует, потому
что закономерности, связи, генезис языка
предвосхищают происходящее, так сказать,
во плоти. А для Лиснянской язык — толь-
ко средство самовыражения. Она просто
ведет лирический дневник — и все.

Аз. Ничего себе — «и все»! Между про-
чим, это «и все», которым занята Лиснян-
ская, не что иное, как самая таинственная

субстанция, которую называют душой. И
кто, кроме лирических поэтов, сейчас ею
занимается?

Бука. А, может быть, «душа» — это
громко сказано? Может, это слово лучше
заменить таким более простым понятием,
как психология?

Аз. В одну «психологию» стихи Лис-
нянской не укладываются. В них есть многое
другое: и картина внеш-
него мира, и, если гово-
рить о мире внутреннем,
то, что в нем лежит глуб-
же психологии.

Бука. Да, с этим не
могу не согласиться.

АПЛОДИСМЕНТЫ

Татьяна БЕК

Инна Лиснянская — поэт мучительного и светлого
парадокса. Лирическая мысль у нее кристаллизуется в
импровизации, самоопровержении, в поиске наугад и на
ощупь.

Эти стихи начисто лишены поэтических штампов,
общих мест и так называемого здравого смысла. Эта
лирика вся впервые, поперек, вопреки и «некстати, не
так, как у людей».

Я горжусь своей не панибратской, но дружбой с
этой дерзновенной женщиной, с этим милостью
Божьей Поэтом!

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Лирическая героиня Инны Лиснянской беспомощна
и энергична, хрупка и мужественна, эгоцентрична и
жестокосердна.

Необычайное пряное соединение, делающее ее поэ-
зию самобытной!

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

Всегда — напряженное душевное чувство, а если
покой (редко) — то глубинный. Ничего искусствен-
ного, никакой позы — всегда отсердечная искрен-
ность.

Душа автора дрожит, а стих — в свободном лег-
ком дыхании, и плотен, и безупречен по форме...

Стихи всегда кратки (как это хорошо), а в них
— законченная мысль, чувство, образ, а то и афорис-
тические строки.

И за метафорами — нет никакой нарочитой по-
гоны, измышления их, как ныне за этим гонятся...

* * *

И жить оставляет
на этой земле.

Кого бы я ни встречала, —
Я встречала себя,
Кого бы ни уличала, —
Я уличала себя,
Кого бы я ни любила, —
Я любила себя,
Кого бы ни хоронила, —
Я хоронила себя,
Кого бы я ни жалела, —
Я жалела себя,
Куда бы я ни летела, —
Я летела в себя.
Сходили с ума... но это
Я сходила с ума.
И если вдуматься в это,
Весь мир — это я сама.

1996

Эти стихи
из цикла «Песни юродивой»,
который целиком будет
опубликован
в 91-м номере
журнала «Континент».

ЭНЕРГИЯ СЛОВА

И крона поет возле
самого крова,
И птица — как будто бы
навеселе,
Но будит меня
лишь энергия слова

Но нет, я не там! На земле
бестоково,
Нелепо живу, в голове
без царя,
И если живу — лишь энергии
слова,
Энергии слова благодаря.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

субстанция, которую называют душой. И
кто, кроме лирических поэтов, сейчас ею
занимается?

Бука. А, может быть, «душа» — это
громко сказано? Может, это слово лучше
заменить таким более простым понятием,
как психология?

Аз. В одну «психологию» стихи Лис-
нянской не укладываются. В них есть многое
другое: и картина внеш-
него мира, и, если гово-
рить о мире внутреннем,
то, что в нем лежит глуб-
же психологии.

Бука. Да, с этим не
могу не согласиться.

